

Забывать нельзя помнить: мнемический «эффект отречения» и субъективная оценка истинности автобиографических воспоминаний¹

Нуркова В.В., доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии ФБОУ ВО «МГУ имени М.В.Ломоносова», профессор кафедры общей психологии Московского городского психолого-педагогического университета (nourkova@mail.ru)

В статье обсуждается актуальная для юридической психологии проблема выявления закономерностей влияния намеренной лжи на отсроченную уверенность в достоверности автобиографических воспоминаний. В обзорной части рассматриваются данные о пластичности автобиографических воспоминаний в контексте юридической практики. Излагаются результаты экспериментального полевого исследования динамики оценок субъективной достоверности воспоминаний после правдивого подтверждения и ложного опровержения достоверных эпизодов прошлого, а также после правдивого опровержения и ложного подтверждения недостоверных эпизодов прошлого. Установлено, что во всех условиях наблюдаются закономерные изменения оценок субъективной достоверности воспоминаний. Впервые описаны мнемические последствия «эффекта отречения», которые состоят в том, что ложное отрицание достоверного события ведет к активизации процессов его забывания, а правдивое отрицание недостоверного события ведет к ошибочному включению его содержания в автобиографическую память.

Ключевые слова: автобиографическая память, ложь, субъективная достоверность, пластичность автобиографических воспоминаний.

Для цитаты:

Нуркова В.В. Забыть нельзя помнить: мнемический «эффект отречения» и субъективная оценка истинности автобиографических воспоминаний [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Nourkova.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100210

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Регуляция самоидентичности системой автобиографической памяти» (№15-36-01045).

For citation:

Nourkova V.V. To forget or not to forget: mnemonic “renunciation” effect and the subjective evaluation of the truth of autobiographical memories [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Nourkova.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100210

Вопрос об адекватности мнемической продукции имевшим место в реальности событиям постоянно возникает в юридической практике, в первую очередь в связи с оценкой истинности показаний участников судебного процесса – свидетелей, обвиняемых, потерпевших [1]. При этом на протяжении последних десятилетий в психологии накоплено и теоретически осмыслено множество фактов неточности памяти, которые отнюдь не всегда интерпретируются как ошибки, а, напротив, могут отражать стратегии преодоления неизбежных ограничений когнитивного аппарата человека (например, малой емкости и производительности системы рабочей памяти) или даже представляют собой продуктивные адаптации [5].

В большинстве случаев требованием «фотографической» точности к продукции памяти можно пренебречь. Например, нет необходимости разоблачать человека, утверждающего, что в школьные годы он был отличником, поскольку подобная «улучшенная» версия прошлого повышает его самооценку. В юридической практике, напротив, мельчайшая деталь показаний может иметь судьбоносное значение. В связи с этим в юридической психологии наблюдается поворот от не критичного доверия к автобиографическим воспоминаниям практически к презумпции ложности любого из них. Так, Олсон и Чарман обнаружили, что в ситуации имитации судебного процесса, даже при подтверждении алиби подозреваемого видеозаписью события и свидетельством незаинтересованного незнакомца, испытуемые – студенты юридических ВУЗов оценивают свое доверие к нему лишь на 7 баллов из возможных 10 [10]. Особый скептицизм вызывает неконсистентная во времени мнемическая продукция. По данным Калхейна и Хоша, как студенты юридических вузов, так и практикующие сотрудники правоохранительных органов склоняются к мнению о виновности подозреваемого, если его показания меняются от допроса к допросу [7].

Странж с коллегами попытались выявить наиболее подверженные искажениям аспекты автобиографических воспоминаний, выполняющих функцию алиби, и установить, существуют ли феноменологические характеристики, пригодные для их верификации [15]. Испытуемым предлагалось представить себя в роли необоснованно подозреваемых в совершении преступления и предоставить алиби на момент его совершения (около полудня три недели назад). Требовалось записать воспоминание и оценить его феноменологические характеристики. Повторный опрос проводился через неделю. Независимые эксперты судили о согласованности первого и второго варианта алиби по ряду характеристик. Главный результат данного исследования заключается в том, что более 50% алиби претерпевали значительные изменения за недельный период, при этом особенно часто менялась конкретная локализация во времени отдельных фрагментов события. Таким образом, наиболее распространенная формулировка вопроса к

подозреваемому («Что вы делали вечером 13 марта?») крайне уязвима с точки зрения адекватного доступа к мнемическому материалу.

Суммируя приведенные выше данные, можно утверждать, что изменение показаний участников судебного процесса представляет собой частный случай обычной конструктивности автобиографической памяти и скорее, наоборот, является аргументом в пользу того, что человек действительно пытается точнее вспомнить прошлое, а не повторяет заученный заранее рассказ.

В целом парадокс высокой спонтанной пластичности автобиографических воспоминаний при сохранении их несомненной субъективной достоверности зафиксирован во многих исследованиях [см.: 3; 8]. Преимущественно речь идет о мотивационно обусловленном изменении воспоминаний в сторону более индивидуально и социально желательной, согласованной и вероятной версии события прошлого.

При этом процесс трансформации автобиографических воспоминаний протекает преимущественно произвольно, вне контроля вспоминающего, а сам факт трансформации остается неосознанным. Многократно подтверждено, что максимальный эффект модификации воспоминаний вплоть до «имплантации», т.е. включения в содержание личной памяти воспоминаний об абсолютно ложных событиях, наблюдается при подробном воображении эпизода в условиях, провоцирующих забывание самого факта наличия ситуации его искусственного конструирования. Подобный разрыв связи между мета-маркером источника содержания, появившегося в сознании («я это вообразил», «мне это рассказали», «я видел это в фильме» и т.п.), и описанием эпизода происходит за счет ряда факторов: временной отсрочки, диссоциации контекста кодирования и воспроизведения, нарастания субъективной вероятности новой версии события, пребывания в измененном состоянии сознания и др. [9; 4].

Однако практически не исследованными остаются специфические и крайне релевантные юридической психологии ситуации намеренной лжи в двух вариантах: во-первых, речь может идти об отрицании произошедшего события и, во-вторых, о декларации реальности ложного события. По данным ряда источников, до 25% обвиняемых в преднамеренных убийствах и убийствах по неосторожности заявляют об амнезировании события преступления [6]. Помимо прочего, отрицание воспоминаний о совершенном преступлении избавляет от необходимости объяснять свои действия, демонстрировать раскаяние и вызывает сочувствие у присяжных. Создание алиби в виде автобиографического рассказа о том, что якобы происходило с подозреваемым в момент совершения преступления, – рутинная адвокатская практика. Вполне обосновано предположение, что в ряде случаев как «амнезия», так и предлагаемая следствию история алиби носят вымышленный характер и направлены на смягчение приговора. С точки зрения психологии памяти, крайне важным видится вопрос о том, становится ли результатом подобных произвольных действий аналогичная произвольной пластичность автобиографической памяти? Иными словами, может ли случиться так, что участники следственных действий и судебного процесса после умышленного обмана действительно начнут помнить то, чего на самом деле не было и забудут то, что было?

Исследуя динамику точности воспоминаний после намеренной лжи, Даниэль Полэж [12; 13] просила испытуемых убедить ее в том, что предложенные ложные события на самом деле произошли в их детстве. Затем испытуемых повторно опрашивали о реальности описанных событий. Большинство испытуемых после акта лжи в еще большей степени настаивали на отсутствии данных событий в своем прошлом, в то время как меньшинство (16%), наоборот, демонстрировали убежденность в их реальности. Отчасти симметричный эффект был получен Полэж и для противоположной ситуации: после попытки убедить экспериментатора в том, что высоко вероятных в их личном прошлом событий из «писка жизненных событий» (Life events inventory – LEI) не было, испытуемые значимо понижали оценки реальности этих событий [14]. Неоднозначность полученных результатов Полэж интерпретирует, исходя из индивидуальных различий испытуемых в чувствительности к когнитивному диссонансу. Она полагает, что меньшинство, испытывающее сильный когнитивный диссонанс от акта лжи, редуцирует его за счет присвоения ложных воспоминаний и/или ограничения доступа к следам реального опыта, в то время как большинство, наоборот, жестко маркируют сконструированный образ как продукт воображения (эффект «fabrication deflation»), четко разделяя правду и вымысел.

Наиболее близкую контексту юридической психологии работу в данной области провели голландские психологи Оорсоу и Меркедбах [11]. Испытуемые должны были выполнить имитирующую совершение преступления последовательность действий: зайти в комнату, найти там рюкзак, достать из него веревку, выйти на улицу и зайти в бар, взять у входа метлу, ударить ей манекен, который изображал бармена, связать его веревкой, забрать деньги из кассы и вернуться в комнату. Затем испытуемых делили на две группы – контрольную и экспериментальную. От представителей контрольной группы требовалось максимально честно описать событие «преступления», а от представителей экспериментальной группы – сочинить ложную историю для обеспечения алиби на момент «преступления». Через неделю было проведено повторное тестирование памяти испытуемых с инструкцией правдиво описать исходное событие. Согласно результатам экспертных оценок рассказов, представители группы «лгунов» значимо хуже справлялись с задачей, воспроизводя меньше правильных элементов и включая больше ложных дополнительных элементов.

По нашему мнению, необходимо дальнейшее прояснение механизмов влияния намеренной лжи на содержание автобиографических воспоминаний, что требует проведения исследования с симметричным дизайном (декларирование истинности/ложности субъективно истинного/ложного события) на материале хорошо задокументированного личного опыта испытуемых из достаточно отдаленного во времени прошлого.

Методика²

В исследовании приняло участие 47 испытуемых, средний возраст – 20.3 (3.8), из них 20 юношей и 27 девушек. Все испытуемые во второй раз участвовали в Летней школе 2014 г. журнала «Русский репортер»

² Планирование эксперимента и сбор данных осуществлялся в сотрудничестве с А.А.Ивановой и А.И.Кожевниковым.

(<http://letnyayashkola.org/about/>), которая организуется ежегодно в полевых условиях на расстоянии около 100 км от Москвы. С каждым из испытуемых работа проводилась индивидуально. Экспериментатор представлялся «историком», который собирает воспоминания участников школ предыдущих лет. Испытуемым предлагался список наиболее ярких, зафиксированных на видеозаписи событий Школы 2013 г. («Новый год», «Закрытие», «Концерт Псоа Короленко»), из которых требовалось выбрать и описать три наиболее запомнившихся ключевых эпизода, в истинности которых они абсолютно уверены. Затем испытуемым зачитывались описания двух ложных эпизодов, относящихся к тем же событиям («А другие участники рассказали нам, что на самом деле...»). После того как испытуемые однозначно подтверждали ложность этих историй, их просили принять участие в исследовательском проекте, якобы посвященном коммуникативным приемам убеждения. Для этого от них требовалось пересказать все эпизоды за исключением одного реального (контрольный) таким образом, чтобы убедить собеседника, что они истинны, или таким образом, чтобы убедить собеседника, что они ложны. Через 3-4 дня испытуемым предъявлялись краткие описания всех эпизодов и предлагалось оценить их по шкале от 1 до 7 баллов относительно степени своей уверенности в том, что конкретный эпизод имел место в действительности.

Таким образом, от каждого испытуемого было получено по пять оценок степени уверенности в истинности эпизодов, относящихся к периоду 11-12 месяцев до проведения исследования: 1) исходно субъективно истинный эпизод, рассказанный с целью убедить слушателя в его истинности; 2) исходно субъективно истинный эпизод, рассказанный с целью убедить в его ложности; 3) исходно субъективно истинный эпизод без повторного воспроизведения; 4) исходно субъективно ложный эпизод, рассказанный с целью убедить в его истинности; 5) исходно субъективно ложный эпизод, рассказанный с целью убедить в его ложности.

Поскольку испытуемые были абсолютно убеждены в адекватности своей памяти до того, как их просили солгать или сказать правду, в качестве точки отсчета для субъективно истинных воспоминаний был взят максимальный уровень уверенности в 7 баллов, а для субъективно ложных воспоминаний – минимальный уровень уверенности в 1 балл. Для каждого из экспериментально варьируемых нами условий вычислялись отклонения от исходного балла при отсроченной оценке истинности воспоминания.

Результаты

При повторном опросе существенное меньшинство испытуемых во всех условиях (в том числе и в контрольных) изменили исходные суждения об истинности своих воспоминаний, что еще раз фиксирует факт динамичности функционирования автобиографической памяти.

В контрольном условии (однократный рассказ об эпизоде реального события с первоначально абсолютной уверенностью в точности воспоминания) после трехдневного интервала 12 участников из 47 (25.5%) снизили степень своей уверенности в том, что их воспоминание соответствует действительности. Снижение субъективной достоверности воспоминания составило в среднем 0.77 (1.55) балла по семибалльной шкале. Важно отметить, что диапазон снижения

балльных оценок был достаточно широк и варьировал в пределах от -1 до -6, при этом 4 человека (8.5%) полностью отрицали наличие данного эпизода в своем опыте (получены оценки в интервале 1–3 балла).

В условии «реальный эпизод – рассказывается правда» случаи снижения оценок были так же часты и наблюдались у 11 человек из 47 (23.4%). Однако величина снижения была значимо ниже: в среднем -0.34 (0.7), диапазон изменения – от -1 до -3. Другими словами, никто из участников исследования при данном экспериментальном условии не отрицал реальности эпизода, они скорее демонстрировали сомнение в точности своего воспоминания.

Наиболее яркую картину мы получили для условия, когда испытуемый пытался максимально использовать свои коммуникативные способности, убеждая интервьюера в ложности исходно субъективно истинного воспоминания. В этом случае уже 16 испытуемых (34%) впоследствии ошибочно сомневались в достоверности целевого эпизода, причем абсолютная величина «эффекта отречения» была максимальной по сравнению со всеми другими экспериментальными условиями и составила в среднем -1.32 (2.15). Оценка достоверности воспоминания снижалась в диапазоне от -1 до -6 баллов так, что 8 человек (17%) пришли к убеждению, что прежде несомненный эпизод никогда не имел места в реальности.

Различия в абсолютных значениях снижения достоверности воспоминаний о первоначально субъективно достоверных эпизодах статистически значимы между всеми экспериментальными условиями (по критерию знаков Уилкоксона: для условия «правда о правде» и «правда без повторения» $Z=2.372$, $p=0.018$; для условия «ложь о правде» и «правда без повторения» $Z=2.136$, $p=0.03$; для условия «правда о правде» и «ложь о правде» $Z=4.11$, $p=0.00$).

Стоит обратить внимание на то, что ложное подтверждение реальности субъективно нереального эпизода («ложь о лжи») дало эффект противоположный, но симметричный по выраженности условию декларации правдивости субъективно истинного воспоминания («правда о правде»). В том случае, когда от испытуемых требовалось рассказать ложный, с их точки зрения, эпизод события прошлого, как если бы это была правда, они также в 23.4% случаев изменяли свои оценки его реальности, но в сторону повышения со средним абсолютным значением +0.45 (0.95). В данном условии также не наблюдалось случаев полярных сдвигов оценок уверенности в истинности эпизодов, т.е. диапазон полученных оценок составил 1–4 балла. Различия между указанными условиями по критерию Уилкоксона отсутствуют ($Z=0.854$, $p=0.393$).

Парадоксальный результат, полученный в нашем исследовании, состоит в том, что после правдивого отрицания реальности субъективно ложного эпизода испытуемые в 14 случаях (29.8%) повысили свою уверенность в том, что данный эпизод имел место в действительности при среднем повышении в +0.72 (1.4) балла, что сходно со значениями однократного воспроизведения субъективно истинного эпизода ($Z=0.017$, $p=0.987$). Отметим, что при этом различия в сдвиге оценок между условиями лжи и правды о первоначально ложном событии не являются значимыми ($Z=1.582$, $p=0.1$).

В наглядной форме результаты представлены на рис. 1 и 2.

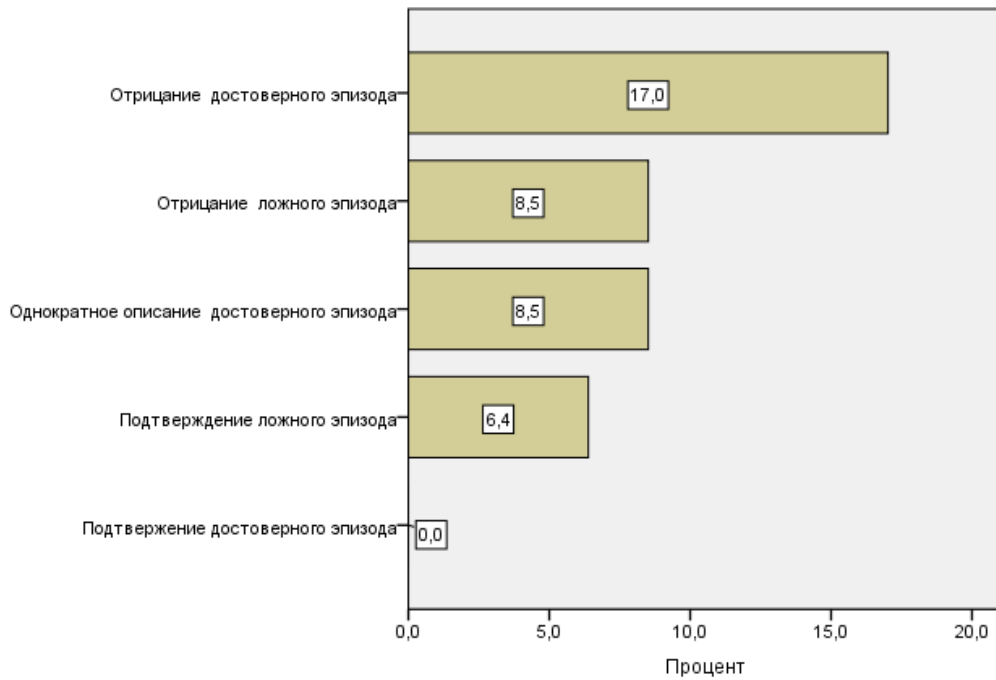
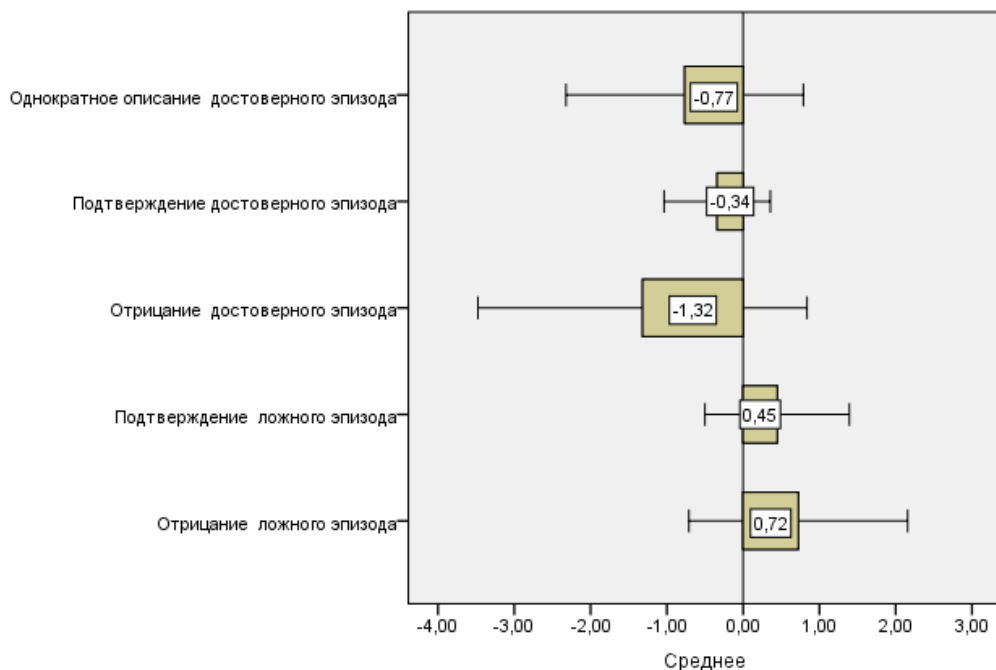

Рис. 1. Процент испытуемых, изменивших оценки субъективной достоверности автобиографического эпизода на противоположные (помню – не помню; не помню – помню)

Столбики ошибок: +/- 1 Стд. откл.

Рис. 2. Среднее изменение оценки субъективной достоверности автобиографического эпизода по семибалльной шкале

Обсуждение результатов

Таким образом, результаты проведенного нами полевого исследования поддерживают положение о высокой пластичности автобиографических воспоминаний и наличии закономерностей, определяющих разнонаправленные тенденции в динамике субъективной уверенности в истинности событий прошлого в зависимости от условий последующих воспроизведений этих событий.

Однократное воспроизведение субъективно правдивого эпизода прошлого без дополнительного обращения к нему в рамках экспериментальной процедуры, тем не менее, связано с отсроченным сомнением в его истинности в среднем у четверти наших испытуемых с полным отказом признавать его реальным у некоторых из них (8.5%). Можно объяснить полученный факт тем, что сама ситуация верификации истинности воспоминания повышает критичность к нему – первоначально совершенно убежденный в достоверности своей мнемической продукции человек начинает сомневаться после попытки точно оценить истинность стоящего за воспоминанием опыта, что должно учитываться при анализе показаний свидетелей и потерпевших.

Декларирование истинности субъективно правдивого воспоминания в коммуникативной ситуации связано с более высокой отсроченной убежденностью в его истинности. Хотя процент испытуемых, выразивших сомнение в достоверности воспоминания в данном условии аналогичен условию однократной актуализации, никто из них не отвергает свои воспоминания как полностью ложные.

В том случае, когда испытуемые пытались выдать за правду ложные эпизоды, наблюдалось лишь небольшое повышение их субъективной достоверности. Таким образом, нам удалось реплицировать результаты Л. Полэж в части подтверждения повышения критичности к содержанию своей памяти после умышленной лжи о реальности нереального события (эффект «fabrication deflation»). Испытуемые, пытавшиеся выдать за правду события, которые им самим представлялись ложными, никогда не достигали полной убежденности в том, что эти события происходили на самом деле. Отметим, что противоположное и многократно описанное явление «инфляции воображением» («imagination inflation»), т.е. атрибуция воображаемого события реальности прошлого имеет место, только если описание вымышленного события запоминается произвольно и человек не способен восстановить его источник [2].

В нашем исследовании получен новый для психологии памяти феномен «мнемического эффекта отречения», который, как мы считаем, связан с тем, что отказ от субъективно достоверного автобиографического опыта имеет большую «психологическую стоимость» по сравнению с принятием нового содержания. Испытуемые, вынужденные при выполнении инструкции убеждать интервьюера в ложности исходно субъективно истинного воспоминания, демонстрировали самые сильные изменения памяти. Более трети испытуемых (34%) после отречения от эпизода прошлого снижали его субъективную достоверность, причем 17% вовсе отказывали прежде несомненному эпизоду в реальности. В данном условии наблюдался и самый большой абсолютный негативный сдвиг в оценках. Аналогичный феномен может в определенной степени проявляться и у лиц, совершивших преступления после генерации ложного алиби.

Крайне интересно, что «мнемический эффект отречения» действует и относительно правдивого отрицания ложного эпизода. Иными словами, когда человек говорит правду о том, что целевого эпизода не было, он начинает верить в то, что он в действительности был.

Выводы

В заключение формулируем выводы экспериментального исследования, которые, по-нашему мнению, релевантны проблематике экспертизы истинности показаний.

- Неконсистентность во времени показаний участников следственных действий и судебного процесса сама по себе не может служить доказательством их ложности.
- Основным результатом проведенного исследования стало выявление закономерностей действия мнемического «эффекта отречения» в автобиографической памяти.
- Относительно субъективно истинных событий мнемический «эффект отречения» проявляется в том, что намеренное ложное отрицание события (отрицание правды) провоцирует процессы его забывания (через механизм активизации сомнения создается «частичная иллюзорность» события).
- Относительно субъективно ложных событий мнемический «эффект отречения» проявляется в том, что намеренное правдивое отрицание такого события (отрицание лжи) ведет к нарастанию его представленности в сознании в качестве реального. В результате отрицающий ложь все больше верит в то, что ложное событие имело место в действительности.

Литература

1. *Нуркова В.В.* Проблема истинности автобиографических воспоминаний в процессе судопроизводства // Психологический журнал. 1998. Т. 19. №5. С. 15–30.
2. *Нуркова В., Бернштейн Д.* Корреспондентный подход в изучении памяти и проблема истинности воспоминаний // Ученые записки кафедры общей психологии Московского университета. Вып. 2 / Под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 160–177.
3. *Нуркова В.В.* Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: сб. научных трудов. Т. 2 / Под ред. В.Д. Соловьева и Т.В. Черниговской. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 87–102.
4. *Нуркова В.В., Василенко Д.А.* Формирование вариативного репертуара самоопределяющих воспоминаний как средство развития самоидентичности // Вестник Российского государственного

- гуманитарного университета. Серия Психологические науки. 2013. № 18(119). С. 11–30.
5. *Нуркова В.В.* Проблема неточности воспоминаний в перспективе многокомпонентной модели памяти // Мир психологии [в печ.].
 6. *Cima M., Nijman H., Meckelbach H., Kremer K. & Hollnack S.* Claims of crime-related amnesia in forensic patients // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2004. Vol. 27. P. 215–221.
 7. *Culhane S. E., Hosch H. M.* Changed alibis: Current law enforcement, future law enforcement and layperson reactions // *Criminal Justice and Behavior*. 2012. Vol.39. P. 958–977 doi: 10.1177/0093854812438185
 8. *Frenda S.J., Nichols R.M. & Loftus E.F.* Current issues and advances in misinformation research // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. P.20–23.
 9. *Lindsay D.S., Johnson M.K.* False memories and the source monitoring framework: Reply to Reyna and Lloyd (1997) // *Learning and Individual Differences*. 2000. Vol. 12(2). P.145–161.
 10. *Olson E.A., Charman S.D.* «But can you prove it?» Examining the quality of innocent suspects' alibis // *Psychology, Crime, and Law*. 2012. Vol. 18. P. 453–471. doi:10.1080/1068316X.2010.505567
 11. *Oorsouw K.V., Merckelbach H.* Simulating amnesia and memories of a mock crime // *Psychology, Crime & Law*. 2006. Vol. 12:3. P. 261–271.
 12. *Polage D.C.* Fabrication deflation? The mixed effects of lying on subsequent memory // *Applied Cognitive Psychology*. 2004. Vol. 18. P. 455–465.
 13. *Polage D.C.* Liar, Liar, Memory on Fire // *Symposium of University Research and Creative Expression (SOURCE)*. 2013, May 16. Paper 93. URL: [http://digitalcommons.cwu.edu/source/2013/oral presentations/93](http://digitalcommons.cwu.edu/source/2013/oral%20presentations/93).
 14. *Polage D.* Fabrication inflation increases as source monitoring ability decreases // *Acta Psychologica*. 2012. Vol. 139(2). P. 335–342. doi:10.1016/j.actpsy.2011.12.007
 15. *Strange D., Dysart J., Loftus E.F.* Why errors in alibies are not necessarily evidence of guilt // *Zeitschrift fur Psychologie*. 2014. Vol. 222(2). P.82–89.

To forget or to remember: denial deflation effect and subjective confidence of autobiographical memories

Nourkova V. V., Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Professor, Department of Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (Nourkova@mail.ru)

The paper focuses on the problem of the long-lasting effect of deliberate lie on autobiographical memories, which seems to be of extreme importance for forensic psychology. Firstly, the literature on autobiographical memory's malleability is reviewed in the context of legal issues. Then we present the empirical field study carried out to examine dynamics of confidence toward episodes of personal past after participants had been instructed a) to retell a false episode as true; b) to retell a false episode as false; c) to deny the reality of a true episode. We coined the main finding as "Denial deflation". This effect exists in two forms. The first is forgetting of falsely denied true episode. The second is mistaken acceptance of truthfully denied false episode. Our findings indicate that the act of lying produces specific effect on memory performance both for intentional creation of false story and for intentional denial of true experience.

Keywords: autobiographical memory, lie, subjective confidence, autobiographical memory's malleability.

References

1. *Nourkova V.V.* Problema istinnosti avtobiograficheskikh vospominanij v processe sudoproizvodstva // *Psihologicheskij zhurnal*. 1998. T. 19. №5. S. 15–30.
2. *Nourkova V., Bernshtejn D.* Korrespondentnyj podhod v izuchenii pamjati i problema istinnosti vospominanij // *Uchenye zapiski kafedry obshhej psihologii Moskovskogo universiteta*. Vyp. 2 / Pod red. B.S. Bratusja, E.E. Sokolovoj. M.: Smysl, 2006. S. 160–177.
3. *Nourkova V.V.* Doverchivaja pamjat': Kak informacija vključaetsja v sistemu avtobiograficheskikh znanij // *Kognitivnye issledovanija: sb. nauchnyh trudov*. T. 2 / Pod red. V.D. Solov'eva i T.V. Chernigovskoj. M.: Institut psihologii RAN, 2008. S. 87–102.

4. *Nourkova V.V., Vasilenko D.A.* Formirovanie variativnogo repertuara samoopredel'ajushhih vospominanij kak sredstvo razvitija samoidentichnosti // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Serija Psihologicheskie nauki. 2013. № 18(119). S. 11–30.
5. *Nourkova V.V.* Problema netochnosti vospominanij v perspektive mnogokomponentnoj modeli pamjati // Mir psihologii [v pech.].
6. *Cima M., Nijman H., Meckelbach H., Kremer K. & Hollnack S.* Claims of crime-related amnesia in forensic patients // International Journal of Law and Psychiatry. 2004. Vol. 27. P. 215–221.
7. *Culhane S. E., Hosch H. M.* Changed alibis: Current law enforcement, future law enforcement and layperson reactions // Criminal Justice and Behavior. 2012. Vol.39. P. 958–977. doi: 10.1177/0093854812438185
8. *Frenda S.J., Nichols R.M. & Loftus E.F.* Current issues and advances in misinformation research // Current Directions in Psychological Science. 2011. Vol. P.20–23.
9. *Lindsay D.S., Johnson M.K.* False memories and the source monitoring framework: Reply to Reyna and Lloyd (1997) // Learning and Individual Differences. 2000. Vol. 12(2). P.145–161.
10. *Olson E.A., Charman S.D.* «But can you prove it?» Examining the quality of innocent suspects' alibis // Psychology, Crime, and Law. 2012. Vol. 18. P. 453–471. doi:10.1080/1068316X.2010.505567
11. *Oorsouw K.V., Merckelbach H.* Simulating amnesia and memories of a mock crime // Psychology, Crime & Law. 2006. Vol. 12:3. P. 261–271.
12. *Polage D.C.* Fabrication deflation? The mixed effects of lying on subsequent memory // Applied Cognitive Psychology. 2004. Vol. 18. P. 455–465.
13. *Polage D.C.* Liar, Liar, Memory on Fire // Symposium of University Research and Creative Expression (SOURCE). 2013, May 16. Paper 93. URL: [http://digitalcommons.cwu.edu/source/2013/oral presentations/93](http://digitalcommons.cwu.edu/source/2013/oral%20presentations/93).
14. *Polage D.* Fabrication inflation increases as source monitoring ability decreases // Acta Psychologica. 2012. Vol. 139(2). P. 335–342. doi:10.1016/j.actpsy.2011.12.007
15. *Strange D., Dysart J., Loftus E.F.* Why errors in alibies are not necessarily evidence of guilt // Zeitschrift fur Psychologie. 2014. Vol. 222(2). P.82–89.